

2 марта 1901 года. Странная сегодня со мною случилась штука. Навелась на Н. К., она мне рассказывала про монастыри, про Афон... Вдруг на эту почту пало известие, что Л. Толстого отлучили от церкви. Я с жаром 19-ти летнего юноши начинаю цитировать...

40 лет, говорю я, великий и смелый духом человек кричит нам: не глядите на меня, заложив руки в карманы, как праздные зевачи Корчитесь, кувыркайтесь тоже, если хотите познать блаженство соответствия слова и дела, мысли и слова! Мы стояли, разинув рот, и говорили, поздравляя: «Да, ничего себе. Его от скуки слушать можно...» и руки наши по-прежнему были спрятаны в карманы...

Маша! Как бы нам устроить так, чтобы то, о чем мы так бежим, не поймамо нас и там? Я боюсь ничтожных разговоров, боюсь идилии чайного стола, боюсь подневольной, регламентированной жизни. Я бегу от нее. Но куда? Как повести иную жизнь? Деятельную, беспокойную, свободную, как Помогли мне... Только заранее нужно теоретически поставить вопрос, когда, от каких причин возникает обыденность, скука, сознание взаимной ненужности, как пропадает та таинственность (я готов сказать: поэтичность) отношений, без которой такие люди, как мы с Машей, не можем ничего создать, не можем ни любить, ни ненавидеть... Не бить вместе. Т. е. занять большую часть дня отдельной работой. Вместе больше работать, чем беседовать... Лишь бы не было кастриаль, сафетон, солонок и другой дряни. Это первый путь к порабощению. Долой эти кофейники, эти чашки, полочки, карточки, рамочки, амурчики на стенах! Вообще все лишнее и ненужное! Смешной 14 марта. Так сказать, предисловие. Кому предисловие? А тому, кто будет после меня. На мое место. Потому что моему. Я оставлю ему эти бумаги, и он лет через 300 будет с восторгом и пренебрежением разбираться в них... Дневник — громадная сила, только он сумеет удержать эти глыбы снега, когда они уже растают, только он оставит нерастающим этот туман, оставит меня в гимназической шинели, смущенного, радостного, оскорбленного.

19 марта. 19 лет... Кругом 19. 1901 г. Впрочем, я к мистицизму не склонен и лотерейных билетов под 19 номером покупать не стану.

15 апреля 1908 года. Вчера забрал детисек Блинова и двух девочек Поповых и бегал с ними под солнцем весь день как бешеный. Костер, ловитки, журмки — кое-где сыро, кое-где снег, но хорошо удивительно. Кольенька весь день со мною. Блиновы-мальчики в меня влюблены. Я как-то при них сказал, что женился в 19 лет и тотчас же уехал в Англию. Кука тотчас же сказал: «И я тоже женюсь в 19 лет и тоже уеду в Англию».

8 мая 1909 года. Сегодня шел снег, у меня на вышке (на новой даче) было изрядно холодно. Тем не менее я доволен. Вчера и сегодня я целые дни — с 7 часов у-

ра до 11 ч. вечера работаю, — и как это чудно, что у меня есть вышка. Здесь меня осеняет такое «счастье работы», какого я не знал уже года три. Я все переделываю Гаршина — свою о нем статью — и с радостью жду завтрашнего дня, чтобы снова принятая за работу. Сейчас лягу спать — и на ночь буду читать «Идиот». Есть ли кто счастливей меня?!

2 декабря 1902 года. Думаю о докладе про индивидуализм, о рассказе к праздникам и о статье к Бункина. Успел ли? Принять решения: сидеть дома и только раз в неделю под воскресенье уходить куда-нибудь по вечерам. Читать, писать и заниматься. Английские слова повторить сегодня же, но дальше по английскому не идти. Приняться за итальянский. Потом будет поздно, и приняться не самому, а с учителем. И в декабре не тратить ни одного часу понапрасну. Надо же, ей богу, хоть один месяц в жизни провести талантливо, а то теперь я «развлекаюсь, словно крадучись», и работаю в промежутках. Читаю Лихтенберге о Ницше — не нравятся.

17 января (1906 года — Ред.) ...Застаю себя сидящим в Петербурге, в Академическом переулке... Да, господин дневник, многого Вы и не подозреваете. Я уже не тот, который писал сюда до сих пор. Я уже был редактором-издателем, сидел в тюрьме, сейчас состою под судом, за дверью висит моя шуба — и обещаю я почти каждый день.

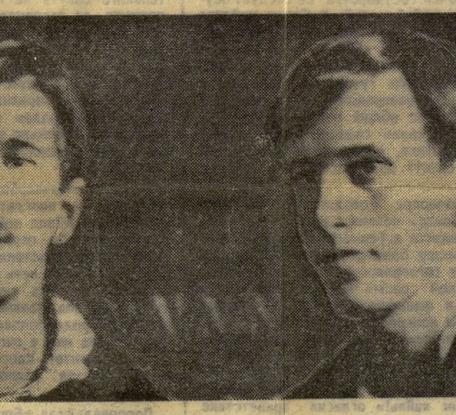
27 января. Пишу статью «Бельтов и Брюсов». Мне она нравится очень. Чувствую себя превосходно. Вчера проводил Брюсова на вокзал и познакомился с Вячеславом Ивановичем.

15 апреля 1908 года. Вчера забрал детисек Блинова и двух девочек Поповых и бегал с ними под солнцем весь день как бешеный. Костер, ловитки, журмки — кое-где сыро, кое-где снег, но хорошо удивительно. Кольенька весь день со мною. Блиновы-мальчики в меня влюблены. Я как-то при них сказал, что женился в 19 лет и тотчас же уехал в Англию. Кука тотчас же сказал: «И я тоже женюсь в 19 лет и тоже уеду в Англию».

8 мая 1909 года. Сегодня шел снег, у меня на вышке (на новой даче) было изрядно холодно. Тем не менее я доволен. Вчера и сегодня я целые дни — с 7 часов у-

НАШ КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ

к 100-летию со дня рождения К. И. Чуковского

К. Чуковский и В. Маяковский у И. Репина в «Пенатах». 1915 год.

и много, много знаете; разговор мой с Вами — всегда взыску — есть о чем. Из письма И. Е. РЕПИНА 24 марта 1925 г.

«...я к Вам с просьбой: Вы человек молодой, красивый, веселый, подвижной, общительный, везде желанный, красноречивый... Зайдите в Общину художников...»

«Всех, всех их обласкайте, воодушевите, потому что Вы душа-человек и Ваша душа обладает особым могуществом и Вы можете даже реально поддерживать эту отмеченную Богом молодость.» Из письма И. Е. РЕПИНА 8 декабря 1925 г.

он сжимался и весь делался меньше. Этот памятный человек, талантливый критик и невыраженный поэт, с особым драматизмом пропал в людей, факты и вещи, чтобы мастерски кинуть оценку, как дегустатор, тонкий ответчик вина, уйти жуком.

«Как нетерпеливый мальчик, освобожденный раньше срока закутанный зеленую глянц, он спешил назвать, острить, сверкать, шуметь и спугивал птицу вдохновения, которая к нему, несомненно, прилетала. Потом, с тайной болью и внешней легкостью, он размахисто писал о ней — улетевшей.»

«Был бессознательный вкус в том, как он путался, смущался и нес так явно не то, что предполагалось. Именно от этого косякоязычия получилось живое — не «вступительное» слово на сорок пять минут, а волнующая по чувству и не находящая формы защита. Это было безнадежное и любовное разведение рук. Длинные простертые руки вслед уходящему романтизму.»

Ольга ФОРШ. Описано выступление К. И. Чуковского на вечере Блока 25 апреля 1921 года.

У нас гости. Неожиданно приходит Чуковский... Все радостно взволнованы. Еще бы, он принес в дом какой-то свой мир. К. И. обладает редчайшим искусством бесцельно просто радоваться, увлечь со всей необычайной сложностью. Он и пишет так: и вообще, и о детях, и для них. Сколько надо таланта, нажить такую культуру!

Придумал, — поедом вместе в Америку. Говорит, — «переводчик не нужен. На талант перевода не рассчитывайте, не переводить буду, как вы захотите». Люблю таких: он, если захочет, на край света улетит. Переплыть Атлантику...» Из дневника А. С. МАКАРЕНКО. Весна 1937.

«В это время Чуковский работал над книгой о Репине.»

«...Мне так живо вспомнилась Куоккала, Ваша дача, Ваши воспоминания, на которых неизменно бывал Маяковский, Ваша Чукоккала. Помните, как Репин пришел в страшное недоумение, что Маяковский нарисовал что-то не на той стороне страницы, на какой следует! И тут же оказалось, что и сам Репин совершил однажды такой же пропуск. Помните, как Вы с Маяковским приходили к нам есть пирог с черничкой и играть в крокет? Играл, впрочем, только он. Помните, как Вы во время прогулок по берегу моря заставляли Маяковского читать свои стихи. Как красочно он читал, и как Вы восхищались его стихами. Ведь Вы один из первых почувствовали, поняли и оценили его, когда

вокруг он встречал враждебное непонимание и бессмысленное высмеивание. Из письма Т. А. БОГДАНОВИЧ. 12.IX.1940.

Милый Корней Иванович. Всякий раз, когда счастье приводит меня в Пущер... я перечитываю разных моих «вечных спутников», например Герцуца, книгу Чуковского о Некрасове etc.

И каждый раз мне кажется, что в этой книге Вы дали то, что долго Вас переживет, что это Ваша, может быть не осознанная Вами кульминация...

В этой книге Вы дали себе простор. Вас никто и ничто не стесняло. И тот, кто не читал Вашей книги, не знает Некрасова

Корней Иванович с невесткой М. Н. Чуковской и внуком Николаем (Гуей). Ленинград, 1935 год.

сав как художник. Природа — прекрасная, спокойная, радостная, напоенная солнцем... 12 ноября. Сегодня мы переезжаем в город. С самой нежной благодарностью буду я вспоминать эту комнату, где я ежедневно тружусь с 3—4 часов утра — до 5 вечера. Это самая любимая моя комната из всех, в каких я когда-либо жил. Это кресло, этот круглый стол, эта неспоря и валяя — но бесконечно любимая работа, как они помогали мне жить.

27 мая 1937 года. В моей жизни было много событий, но я не записывал их в эту тетрадь. События были таковы: 30 марта призвали мою юбилей. 75 лет! Юбилей мой удивил меня нежностью и лаской — количеством и качеством приветствий. Поздравляли меня — меня!!! — и Университет, и Институт Горького, и Академия наук — и «Крокодил», и «Знамя», и «Новый мир», и Пушкинский дом, и сотни детских домов, школ, детских садов, — и я казаясь себе жуликом, не имеющим права на такую любовь...

Второе событие: орден Ленина и его получение в Кремле.

1 марта 1963 года. Позвонили из Детгиза, что умер (даже странно писать) Конашевич. Я помню его в издательстве Гржебина — молодой щеголь с прелестными усиками, очень умело рисующий розы, шикарно одетый, эстетствующий (график, как мне тогда казалось,

С маленькими друзьями. Подмосковье, 1960-е годы.

подражатель Чехонина) и только потом я разглядел, что за этой холодноватой наружностью скрывается очаровательно добрый, простой и простодушный человек, прекрасный, надежный товарищ. Он был гармоничный, спокойный, вполне петербургский человек. Очень интеллигентный, начитанный, молчаливый, стонущий от всякой пошлости, с украинской флегмой... Изащество мысли, изащество чувства, изащество художественного стиля было свойственно ему органически. Лет 5 тому назад он приехал ко мне, посетил библиотеку для детей и через несколько времени прислал мне в подарок чудесную большую картину «Конек Горбунчик», где в каждом маке чувствуется его ясная душа и его доброта. И еще был у него талант — литературный. Он писал прекрасные письма.

Утром 11 сентября 1964 года. Камфара. Все это пустяки. Умирать вовсе не так страшно, как думают. Из-за того, что я всю жизнь изучал биографии писателей и знаю, как умирали Некрасов, Тургенев, Щедрин, Вас. Боткин, Леонид Андреев, Фоминский, Зощенко, Уолт Уитмен, Уайльд, Солугуб, Гейне, Мицкевич, Гете, Байрон и множество других, в том числе Куприн, Бунин, Коки, Лев Толстой, я изучил методику умирания, знаю, что говорят и делают умирающие и что делается после их похорон... «Эту дорожку в саду провели еще при Корнее Ивановиче. Нет, через год». И проходила мимо: «Вот на этом балконе сидел всегда Маршак» — «Какой Маршак? Чуковский!» И повялся маршак в «Литгазете» и в «Неделе»...

18 октября 1969 года, суббота. Вот какие книги оказывается я написал: 1. Некрасов (1930, изд. «Федерация»); 2. Книга об Ал. Блоке (1921); 3. Современники; 4. Живой как жизнь; 5. Высокое искусство; 6. От двух до пяти; 7. Чехов; 8. Люди и книги 60-х годов и другие очерки (Толстой и Дружинин. — Слесплов Некрасова); 10. Статьи, входящие в VI том моего Собр. соч.; 11. Статьи, входящие (условно) в VII том; 12. Репин; 13. Мой Уитмен; 14. Серебряный герб; 15. Солнечная.

20 октября. Книги, пересказанные мною: «Мюнхаузен», «Робинзон Крузо», «Маленький оборвыш», «Доктор Айболит». Книги, переведенные мною: Учирли «Прямодушный», Марк Твен «Том Соьер»; первая часть «Принца и нищего», «Рикки Тикки Тави» Киплинга. Детские английские песенки.

Сказки мои: «Поптыгин и Лиса», «Поптыгин и луна», «Слава Айболиту», «Айболит», «Телефон», «Крокодил», «Чудо-дерево», «Краденое солнце», «Бибигон».